

**БЕЛЬГИЯ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ
ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
XIX–НАЧАЛА XX ВВ.**

А. О. Хорошева

Как справедливо отметил бельгийский ученый Ж. Журе, история Бельгии определена географией этой страны¹. Ввиду стратегически важного географического положения Бельгии ее судьба всегда находилась под пристальным вниманием ведущих европейских держав. На протяжении веков здесь перекрещивались интересы Великобритании, Франции, Германии, Австрии, Испании, Нидерландов и России. До революции 1830 г., в результате которой на карте Европы появилось постоянно нейтральное государство Бельгия, бельгийские земли² в политике европейских правителей являлись дорогой игрушкой, обладание которой зависело от силы того или другого государства, от расстановки сил на континенте, а главное, эти провинции служили полем для «дуэлей» монархов³.

Александра Олеговна Хорошева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории.

¹ Jouret G. Histoire économique de la Belgique. Mons, 1937. P.9.

² Под «бельгийскими землями» и «бельгийскими провинциями» мы подразумеваем территорию современной Бельгии, в бельгийской и отечественной историографии принятую называть Южными Нидерландами при освещении истории Нидерландов, начиная с конца XVI в. до 1830 г.

³ В IV–V вв. — бельгийские земли входили в состав Франкского государства, с 870 г. — в состав Восточно-Франкского королевства, в X–XI вв. формально были связаны со Священной Римской империей, с 1384 г. по 1482 г. находились под властью герцогов Бургундских, с 1516 г. по 1555 г. входили в империю Карла V Габсбурга, с 1556 г. после распада его империи перешли под власть Испании. До 1713 г. Южные Нидерланды оставались под властью испанских Габсбургов в отличие от северных провинций, отложившихся в результате Нидерландской революции (1566–1609 гг.)

В силу геополитических интересов важнейшую роль в экономике, политике и культуре Бельгии исконно играли Франция и Великобритания, чьи притязания в отношении бельгийских провинций, а затем и независимой Бельгии чаще сталкивались, чем сочетались. Вместе с тем, именно эти державы встали на защиту бельгийского нейтралитета в годы Первой мировой войны, выполнив обязательства, взятые ими на себя еще в 1831 г. на международной Лондонской конференции.

Для Англии бельгийские провинции традиционно являлись барьером против Франции. Начиная с XIII в. во время многочисленных войн с Францией Англия всегда вставала на сторону графов Фландрских, в XV в. она выступала союзницей герцогов Бургундских, владевших большей частью современной Бельгии и помышлявших создать из Фландрии «буфер» между Францией и германскими землями. В военном и экономическом плане Фландрия представлялась опорным пунктом Великобритании на побережье⁴. С XIII в. таковым являлся Брюгге, а с конца XV в. его место занял Антверпен.

Короли Франции также не упускали возможности установить свое господство в бельгийских провинциях. В определенных случаях они соглашались на признание нейтралитета этой территории, однако при необходимости легко нарушали его. Так, в 1635 г. первый министр и фактический правитель Франции кардинал Ришелье вынашивал план создания из бельгийских земель независимого государства, которое являлось бы союзником Франции и Соединенных провинций Нидерландов в борьбе против Габсбургов. То же предполагал сделать кардинал Мазарини двадцатью годами позже. Однако эти замыслы не были осуществлены⁵. Во время третьей англо-голландской войны 1672–1674 гг., в которой Нидерланды боролись против коалиции государств во главе с Францией, Людовик XIV заявил о своих претензиях на Фландрию, доказывая, что еще древние галлы владели этими землями. Испании удалось отстоять свои владения в Южных Нидерландах, «король-солнце» согласился соблюдать нейтралитет Фландрии

и образовавших Республику Соединенных провинций. В 1714–1795 гг. они стали владением австрийских Габсбургов, а в результате Революционных и Наполеоновских войн в 1795–1815 гг. вошли в состав Франции. Наконец, в 1815–1830 гг. они были объединены с Королевством Нидерландов.

⁴ Фландрия импортировала шерсть, золото, сыр из Англии, шерсть и кожу из Шотландии и Ирландии. В свою очередь, фламандские товары с XI в. присутствовали на английских ярмарках.

⁵ *Pirenne H. Histoire de Belgique. Bruxelles, 1926. T.5. P.15; Dollot R. Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la barrière (1609–1830). P., 1902. P.120.*

на время военных действий, однако ни одно государство не смогло на деле выполнить это условие.

В начале XIX в. Наполеон Бонапарт продолжил политику прежних правителей Франции и сделал бельгийские провинции частью своей Империи. Однако после его поражения бельгийским землям, по решению Венского конгресса 1815 г., вновь предстояло стать «буфером», ограждавшим Европу от революционной Франции. По инициативе английской дипломатии великие державы приняли решение о воссоединении территорий исторических Нидерландов, некогда составлявших единое целое. И все же искусственно созданному государству не было суждено прожить долго. В 1830 г. в Бельгии вспыхнула революция, которая, наконец, дала независимость землям, так долго находившимся в руках разных правителей.

Однако условием признания этой независимости великими державами было взятое на себя Бельгией обязательство оставаться постоянно нейтральным государством. Провозглашение в 1831 г. на Лондонской конференции постоянного нейтралитета Бельгии державы считали своим большим успехом⁶. Для Великобритании нейтральная Бельгия представляла собой все тот же «буфер» против Франции. Последняя, в свою очередь, рассчитывала на то, что нейтралитет Бельгии ликвидирует враждебную ей систему «барьера»⁷. Именно поэтому Франция столь активно принимала участие в судьбе Бельгии во время Лондонской конференции 1831 г., и, кроме того, помогла бельгийцам изгнать голландцев со своей территории. Несмотря на то, что помощь французов была необходима молодому государству, официально бельгийский парламент не принимал решения об обращении к Франции. Великобритания поддерживала бельгийцев в том, что вторжение французских войск являлось нарушением нейтралитета и могло стать началом войны. Франция оправдывалась, что таким образом она встала на защиту бельгийского нейтралитета, выразив свое согласие с решением великих держав.

На деле нейтралитет Бельгии означал определенную потерю влияния Франции в этом регионе. Компенсировать ее она попыталась, предложив на еще пустующий бельгийский трон своего претендента, герцога Немурского. Английская дипломатия предложила своего

⁶ Намазова А. С. Бельгийская революция 1830 г. М., 1979. С.145.

⁷ Так называемая система «барьера» существовала с конца XVII в. до начала XVIII в. Она предоставляла Республике Соединенных провинций Нидерландов право держать свои гарнизоны в ряде укрепленных пунктов Испанских Нидерландов для защиты своей южной границы от Франции.

ставленника — английского подданного принца Леопольда Саксен-Кобургского (1790—1865). При английском дворе Леопольд пользовался значительным влиянием. Первой его женой была наследная английская принцесса Шарлотта, умершая в 1817 г. при родах. Несмотря на то, что он потерял жену, ребенка и почетное место у британского трона, Леопольд вскоре укрепил свои позиции, когда его сестра Виктория вышла замуж за герцога Кентского, а затем их дочь Виктория (1819—1901), будучи королевой Великобритании, в 1840 г. вышла замуж за Альберта, племянника Леопольда.

В 1831 г. Леопольд был избран королем Бельгии. Франции пришлось утешиться его браком с дочерью Луи-Филиппа Орлеанского Луизой, католичкой, что много значило для католической Бельгии. Через некоторое время одна из племянниц Леопольда вышла замуж за герцога Немурского, а вскоре его племянник Август заключил брак с принцессой Клементиной Орлеанской. Таким образом, узы родства в равной степени связывали бельгийского монарха как с Францией, так и Великобританией.

Основным направлением внешней политики короля Леопольда I являлось соблюдение постоянного нейтралитета, главными защитниками которого выступали Франция и Великобритания. Однако нейтралитет был нелегким бременем для Бельгии. Отношения между гарантом бельгийской независимости не были лишены противоречий. Бельгийской дипломатии, рамки действий которой и так были существенно ограничены международным статусом страны, приходилось постоянно балансировать, а именно, приспосабливаться к изменениям во внешней политике Франции, то входившей в союз с Великобританией, то оказывавшей с ней на грани конфликта, то поддерживавшей объединение Италии, то пытавшейся его замедлить. Боязнь завоевания со стороны Франции побуждала бельгийскую дипломатию многократно требовать от своего соседа подтверждений его мирных намерений. Непостоянство Франции все глубже привязывало Бельгию к Великобритании, что вынуждало бельгийцев постоянно подтверждать верность своим международным обязательствам, а также отказываться от определенных преимуществ, которые могли бы дать экономические соглашения с Францией.

Так, в 1836 г. Франция инициировала переговоры о заключении выгодного для Бельгии таможенного союза. Переговоры продолжились в 1840—1841 гг., но ни к чему не привели. Бельгийский посланник в Париже сообщал, что таможенный союз Бельгии с Францией может быть расценен Великобританией как *casus belli*. В то же время, Леопольду I приходилось доказывать свою верность политике нейтралитета

и французскому парламенту, обвинявшему его в стоворе с Великобританией и с Пруссией и в стремлении примкнуть к Германской конфедерации. Однако, в конце концов, в 1844 г. Бельгия заключила торговый договор с Германской конфедерацией, а в 1845 г. с Францией.

В течение всей второй половины XIX в. Бельгия находилась под страхом французской оккупации. Боязнь политического подчинения и даже аннексии со стороны Франции возникла во время революции 1848 г. Бельгия мобилизовала армию, доказав великим державам свою верность договорам 1830-х гг. и готовность отстаивать нейтралитет с оружием в руках⁸. Король Леопольд гордился этим шагом: «После этой проверки огнем, страна стала очень крепкой; она чувствует себя победоносно поднявшейся по европейской лестнице»⁹. Несмотря на то, что Бельгия первая признала французскую Республику, избрание Луи-Наполеона президентом Франции если и не угрожало более революционной экспансией, то вызвало у бельгийцев страх уже самим фактом того, что во главе соседней страны встал человек, носящий имя Бонапарт. Король Леопольд предчувствовал опасность уже в 1848 г. «Возможно, Луи-Бонапарт попытается восстановить империю», — писал он зятю¹⁰.

Переворот 2 декабря 1851 г., в результате которого была провозглашена Вторая Империя, на долгие годы укрепил эту боязнь¹¹. Источником тревожных слухов о возможной французской оккупации служила французская пресса (газеты *Nation*, *Constitutionnel*), распространявшая легенду о существовании «декрета» об аннексии Бельгии Францией¹². Поначалу политика принца-президента не была враждебной по отношению к северной соседке, история с «декретом», будоражившая бель-

---

⁸ Согласно международному праву, постоянно нейтральное государство обязано не участвовать в вооруженных конфликтах, возникающих между другими государствами, не входить в военные союзы и блоки, не предоставлять свою территорию для иностранных войск и военных баз. Тем не менее, постоянный нейтралитет не лишил государство возможности обороняться в случае нарушения неприкосновенности его границ.

⁹ Из письма Леопольда I зятю Эмманюэлю де Менсдорф-Пуйи. Лакен, 20 декабря 1848 г. // *Lettres de Léopold Ier. Liège*, 1973. P.367.

¹⁰ *Ibid.* P.375.

¹¹ См.: *Baubeau P.* Les rumeurs d'annexion de la Belgique à la France de la IIe République à Sedan. // *France-Belgique: 1848–1914. Affinités-Ambiguïtés. Actes du colloque des 7, 8 et 9 mai 1996.* Bruxelles, 1997.

¹² *Stengers J.* Leopold I et la France au lendemain du coup d'Etat du 2 décembre // *Les relations franco-belges de 1830 a 1934.* Metz, 1975. P.24–25.

гийское общественное мнение, была всего лишь выдумкой¹³. Однако очень скоро истинные намерения Наполеона III стали вызывать беспокойство, новым предметом которого стала публикация в 1853 г. брошюры Александра Ле Масона «Границы Франции», в которой автор доказывал необходимость возврата к «естественным границам».

После переворота 1851 г. в Бельгию хлынул поток беженцев (орлеанистов, либералов, республиканцев), среди которых были Прудон, Виктор Гюго и пользовавшийся большим доверием короля Леопольда I Тьер. Бельгия, страна с либеральной конституцией, предоставила им убежище, бельгийская пресса публиковала враждебные Наполеону III статьи и памфлеты. Несмотря на угрозы французского императора, бельгийское правительство не предпринимало запретительных мер.

Если бельгийское общество и волновали всевозможные слухи, то политика бельгийского правительства внешне оставалась спокойной и осторожной. Как полагают исследователи, бельгийцы всегда рассчитывали на британскую помощь в случае возникновения конфликта¹⁴. Однако, говоря о внешней политике этого периода, необходимо подчеркнуть, что совершенно особую роль в ней играл король Леопольд I. Бельгийский монарх вел свою большую «европейскую» игру, рамки которой выходили за границы его государства. Леопольд называл себя «едва ли не единственным политическим врачом в Европе». По его выражению, он не только «спас больного» (Бельгию — *А. Х.*), но и способствовал «улучшению его здоровья, добился доверия большинства Кабинетов и народов...», рассчитывая использовать его во благо Европы¹⁵.

Очень скоро бельгийский король понял, что Наполеон III, как и его предшественники, видел в Бельгии естественное продолжение французской территории. Родственные узы позволяли Леопольду I рассчитывать на поддержку Великобритании в деле «умиротворения» тигра. Будучи дядей британской королевы Виктории, Леопольд долгие годы был ее самым близким советчиком и мудрым воспитателем¹⁶. Давая советы августейшей племяннице, бельгийский монарх рассчитывал, в свою очередь, на ее поддержку и помощь. В письмах

¹³ *Garsou J.* Les relations extérieures de la Belgique, 1839–1914. Bruxelles, 1946. P.22.

¹⁴ *Stengers J.* Leopold I et la France... P.32.

¹⁵ Из письма Леопольда I зятю Эмманюэлю де Менсдорф-Пуий. Лакен, 20 декабря 1848 г. // *Lettres de Leopold Ier.* P.367.

¹⁶ См.: *Остапенко Г.С.* Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М., 2006.

к английским корреспондентам, которыми, помимо Виктории, были принц Альберт, лорд Дерби, Рассел, Абердин, король говорил об опасности, которую представляла Франция, и о необходимости для Англии быть сильной в военном плане. «Я бы очень хотел верить в его мирные намерения (Наполеона III—А. Х.), — писал Леопольд королеве Виктории, — но поскольку на протяжении трех лет он ни разу не сказал правды, нельзя забывать, что существуют слова, призванные скрывать факты»¹⁷.

Сближение Франции и Великобритании в середине 50-х гг. XIX в., наметившееся во время Крымской войны являлось в целом положительным фактором для Бельгии. Однако французы настаивали на участии бельгийцев в экспедиции, англичане также не высказывались против этого. Леопольду стоило больших усилий отказаться от кампании, которая могла скомпрометировать бельгийский нейтралитет.

Следующим испытанием стал люксембургский вопрос. Неудача Франции в Мексике, победа Пруссии в конфликте с Австрией заставила Наполеона III обратить свой взгляд на Великое герцогство Люксембург. Этот вопрос не замедлил сказаться на бельгийско-французских отношениях. С 1815 г. Люксембург, являлся частью Германской конфедерации, тогда же Венский конгресс определил короля Нидерландов сувереном герцогства. Несмотря на то, что большая часть населения Люксембурга в 1830 г. вместе с бельгийцами восстала против голландского господства, по решению Лондонской конференции 1839 г., к Бельгии отошла только небольшая часть герцогства. Остальная часть осталась во владении нидерландского короля, однако бельгийцы не оставляли надежд заполучить и ее. В 1842 г. Великое герцогство вошло в германский Таможенный союз. В 1866 г. после реорганизации Германской конфедерации Люксембург был исключен из ее состава. В 1867 г. Король Нидерландов Вильгельм, нуждаясь в средствах, намеревался продать Люксембург.

Потенциальным покупателем мог стать взошедший на бельгийский престол после смерти Леопольда I его сын — Леопольд II¹⁸, но вмешался Наполеон III, вступивший в секретные переговоры с Нидерландами. Бельгийский король поспешил предупредить королеву Викторию. Однако ему не удалось добиться от Великобритании решительных действий. Британское правительство хранило молчание¹⁹.

¹⁷ Цит. по: *Stengers J. Leopold I et la France...* P.40.

¹⁸ Леопольд II (1835–1909), герцог Брабантский, король бельгийцев (1865–1909).

¹⁹ *Emerson B. Leopold II. Le royaume et l'empire.* P., 1988. P.46–47.

Тогда Леопольд направился в Париж, где напрямую спросил императора о его намерениях. Наполеон III ответил, что на покупку Люксембурга его толкал Бисмарк. Последний, в свою очередь, вскоре поменял свое мнение, заявив, что никогда не откажется от прусских привилегий в Люксембурге без компенсации. Кампания в прессе грозила военными действиями между Пруссией и Нидерландами. От продажи Люксембурга Вильгельм поспешил отказаться. Тогда Леопольд II вновь попытался склонить на свою сторону Викторию, учитывая, что Великобританию очень беспокоило возможное присутствие французов в Люксембурге. Королева якобы была настроена положительно, но ее личный секретарь Грей и министр иностранных дел лорд Стенли опасались амбиций Леопольда. В этой ситуации Великобритания предложила созвать международную конференцию по вопросу Люксембурга. Лондонская конференция 1867 г. оставила Великое герцогство во владении Нидерландского короля и в Германской конфедерации, провозгласив нейтралитет, снесение крепостных сооружений и эвакуацию прусского гарнизона.

После провала попыток заполучить Люксембург целью Наполеона III стала Бельгия. Присоединить Бельгию или подчинить ее французскому влиянию было для французского императора вопросом стратегической необходимости. Однажды на приеме в Компьенском замке, обращаясь к жене бельгийского посланника Бейанса, Наполеон III заявил: «Бельгия — как спелая груша, однажды попадет к нам в рот». На что баронесса ответила: «Смотрите, не подавитесь, Сир»²⁰. Бельгии должна была быть отведена одна из главных ролей в будущем конфликте с Пруссией. Одной из целей Императора в 1868 г. было завладеть частью бельгийских железных дорог, чтобы контролировать бельгийский внутренний рынок и использовать стратегически важные пути в возможном конфликте с Пруссией²¹. Наполеон вернулся к планам своего предшественника Луи-Филиппа, пытавшегося добиться таможенного союза с Бельгией в 40-х гг. Однако если еще недавно

---

²⁰ *Beuens E.* Le Second Empire vu par un diplomate belge. Lille-Bruges-Paris, 1924–1926. Т.1. P.86.

²¹ Железнодорожные общества Бельгии принадлежали частично государству, частично иностранным акционерам, передача прав на владение акциями зависела от них. Однако в 1869 г. бельгийский парламент принял закон, запрещающий акционерным обществам без одобрения правительства передавать имущество или отдавать в руки иностранных правителей эксплуатацию железных дорог Бельгии. Тогда же государство выкупило у частных компаний часть железных дорог, имевших стратегическое значение.

бельгийская экономика нуждалась в таком договоре, то в конце 60-х, в эпоху расцвета свободной торговли в этом не было необходимости. Французская компания восточных железных дорог пыталась выкупить бельгийскую линию Льеж-Лимбург. Бельгийскому правительству удалось урегулировать вопрос, заявив на переговорах с французами, что стратегическое значение железных дорог Бельгии делает невозможным предоставление преимуществ Франции в вопросе их эксплуатации, поскольку, в таком же случае, Бельгия по первой просьбе Пруссии отдать ей линию, ведущую к Антверпену, должна будет сделать то же самое. В результате, Бельгия, следуя данным ею международным обязательствам, категорически отказала Франции. Французская пресса негодовала, обвиняя бельгийцев в тайном сговоре с Пруссией.

Однако Леопольд II понимал, что опасность сохранялась. Еще во время своего первого визита в Лондон в качестве бельгийского монарха в июле 1866 г. Леопольд II сумел заручиться неофициальной поддержкой британского правительства. Незадолго до начала франко-прусской войны в мае 1870 г. он вновь побывал в Лондоне и во время встречи с премьер-министром У. Гладстоном настаивал на том, чтобы в случае необходимости Великобритания выступила в защиту бельгийского нейтралитета. Поначалу британская дипломатия не отвечала на просьбы бельгийского короля. Исследователи полагают, что только скандал, связанный с публикацией договора, составленного рукой французского посла в Берлине Бенедетти, побудил Великобританию к активным дипломатическим шагам²². Незадолго до конфликта Наполеон III, действительно, завязал переговоры с германским канцлером Отто фон Бисмарком, в ходе которых обсуждалась помощь Германии в аннексии Францией Бельгии. Бисмарк толкал Наполеона III на оккупацию Бельгии, стремясь вызвать негодование Великобритании. Французский император отказался от этого проекта. Однако его текст, переданный французским посланником Бисмарку, появился в британской газете «Таймс» за несколько дней до начала франко-прусской войны, вызвав бурю негодования в Бельгии и Великобритании²³. Бельгийцы не стали скрывать своего возмущения. В прессе разгорелись жаркие дискуссии, симпатии оказались не на стороне Франции. В брошюре 1870 г. «Германия и Бельгия во время и после войны 1870 года» автор утверждал, что «когда разразилась война, общественное мнение Бельгии, руководствуясь исключительно принципами международной

²² Emerson B. Op. cit. P.53.

²³ Pirenne H. Op. cit. T.7 P.218.

справедливости, практически единодушно выступило в поддержку Германии против агрессивной завоевательницы Франции»²⁴.

В ходе вооруженного конфликта теоретически и Франция, и Германия могли нарушить свои обязательства относительно соблюдения нейтралитета Бельгии. Однако наступательный план Бисмарка не предполагал вторжения в Бельгию. К тому же, соблюдение интересов Бельгии, как самостоятельного, нейтрального, не подчиняющегося ничьему влиянию государства было необходимо, прежде всего, Великобритании, которая уже в середине XIX в. намекала на то, что чье-либо нарушение бельгийских границ будет равнозначно объявлению войны ей самой, то же самое она открыто заявила в 1870 г. Теперь Гладстон произнес в британском парламенте знаменитые слова о необходимости защитить договоры 1839 г.

В начале конфликта Великобритания запросила Францию и Германию о готовности соблюдать нейтралитет Бельгии, захват которой считала крайне опасным для себя²⁵. 9 и 11 августа 1870 г. Пруссия и Франция подписали предложенный Великобританией договор о гарантии соблюдения нейтралитета Бельгии, который должен был действовать во время военных действий и в течение года по их окончании. В договоре говорилось, что в случае нарушения нейтралитета Бельгии одной державой, другая выступит в его защиту и получит помощь Великобритании. Советник короля Леопольда II, историк и социолог Э. Баннинг полагал, что этот договор несколько не умаляет веса договора о гарантии 1831 г. «Великобритания взяла на себя инициативу, которая четко определяла характер данной нам европейской гарантии и, подписав с Францией и Пруссией договоры 9 и 11 августа, она создала очень значимый с точки зрения нашего национального существования прецедент»²⁶. Действительно, франко-прусская война стала серьезной проверкой верности подписанным в 1830-е гг. договорам, однако ситуация не могла разрешиться иначе, поскольку этот конфликт был локальным в сравнении с тем многосторонним и широкомасштабным конфликтом, который возникнет в 1914 г. и приведет к нарушению нейтралитета Бельгии.

Несмотря на негативное отношение бельгийского общества к Франции во время франко-прусской войны, Бельгия продолжа-

²⁴ L'Allemagne et la Belgique pendant et après la guerre de 1870. Bruxelles, 1870. P.9.

²⁵ Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Ростов-на-Дону, 1995. Т.2. С.347.

²⁶ Banning E. Les origines et les phases de la neutralité belge. Bruxelles, 1927. P.257.

ла находиться под определенным влиянием своей соседки. Французская пропаганда в Бельгии была значительной, часть населения, образно говоря, воспринимала международную обстановку «сквозь парижские очки». В руках Франции был большой козырь — пресса. Французские газеты и журналы уже через несколько часов после выхода в Париже направлялись в Бельгию. Продажи французских газет *Matin*, *Petit Parisien*, *Petit Journal* значительно превышали продажи бельгийских. Многие бельгийские издания открыто ориентировались на Францию (*Petit Bleu*, *Chronique*, *L'Expresse*), а некоторые (например, *L'indépendance belge*) субсидировались министерством иностранных дел Франции. Французская мода, литература, театр, все в Брюссель проникало из Парижа. Хотя Франция, следуя политике протекционизма, создавала много препятствий для продвижения бельгийских капиталов и рабочей силы в свою страну, все же именно она больше всего привлекала бельгийцев. Русский военный атташе полковник В. П. Агапеев писал: «Нельзя не отметить, что симпатии бельгийцев, по крайней мере, валлонов, лежат на стороне Франции, с которой пока Бельгия связана культурно больше все-таки, чем с Германией»²⁷.

Либеральная бельгийская оппозиция, в массе франкоязычная, видела во Франции своего главного партнера. Однако не все общество разделяло такую точку зрения. Бельгийским католикам Франция представлялась «рассадником» масонства и революционности. Католическая пресса изображала Францию страной атеистов, антиклерикалов, реваншистов и националистов. Французскую политику резко критиковали и фламандские националисты. Они обвиняли Францию в том, что она вмешивается во внутренние дела Бельгии.

В тот период французская дипломатия вела себя крайне активно, чем вызывала подозрение у бельгийцев. Помня о намерениях Наполеона III, они боялись, что целью французской пропаганды было обратить соседнее королевство в республику и поставить в зависимость от себя. Немецкий историк Г. Ладемахер справедливо утверждает, что реваншистская политика Франции отдаляла Бельгию от своего южного соседа больше, чем это делала Германия²⁸. Леопольд II постоянно напоминал о «проекте Бенедетти». Король указывал, что Франция должна искупить свою ошибку, и рассчитывал получить компенсацию

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф.2000. Оп.1. Д.7463. Л.5.

²⁸ *Lademacher H.* Die belgische Neutralität als Problem des europäischen Politik 1831–1914. Bonn, 1971. P.490.

при колонизации Тонкина, о чем вел секретные переговоры с министром иностранных дел Франции Гамбетта²⁹.

Экономические связи Бельгии с Великобританией были не менее тесными. В начале XX в. многие английские банки держали в Бельгии свои филиалы. В Антверпене³⁰, бельгийском порте, имевшем огромное экономическое значение для торговли с Великобританией, обосновалась целая английская колония, в бельгийских школах в программу среднего образования входило изучение английского языка³¹. В целом взаимоотношения между странами оставались довольно равными. Однако отношения короля Леопольда II с королевой Викторией были лишены взаимной симпатии. Бельгийский монарх не имел при английском дворе никого, кто бы мог оказывать ему поддержку.

Темным пятном в истории взаимоотношений двух государств оставалась позиция Великобритании в вопросе о Конго. В 1870-е гг. многочисленные колониальные проекты Леопольда II все больше раздражали англичан. Сначала Лондон дал понять, что воспримет негативно намерения бельгийского короля в отношении Новой Гвинеи, затем был обеспокоен его попытками учредить консульство в Претории. Однако Леопольду все же удалось добиться успеха в Центральной Африке³², чему отчасти способствовало франко-британское колониальное соперничество. Лондон боялся продвижения французов в регион Нижнего Конго, имевший экономическое значение для

²⁹ См.: *Stengers J. Léopold II entre l'Extrême Orient et L'Afrique (1875–1876) // La Conférence de Géographie de 1876. Bruxelles, 1976.*

³⁰ Если в 1850 г. Антверпен занимал по грузообороту пятое место в мире, то в 1880-е гг. вышел на первое, уступив в 1900 г. первенство Гамбургу, а затем Лондону. (См.: *Veraghtert K. Anvers et les ports français durant la seconde moitié du XIX siècle // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975.*)

³¹ См.: *Lefevre J. L'Angleterre et la Belgique à travers les cinq derniers siècles. Bruxelles, 1946.*

³² Идея о бельгийской экспансии в Африке принадлежала королю Леопольду II, с юности вынашивавшему планы о приобретении какой-либо колонии для Бельгии. По его инициативе в 1876 г. в Брюсселе была созвана международная конференция для рассмотрения проблем Центральной Африки, в 1877 г. под председательством короля была создана Международная ассоциация Африки, в 1878 г. — комитет по изучению Верхнего Конго, который превратился в Международную ассоциацию Конго. В 1884 г. США, а затем и Франция признали Международную ассоциацию в качестве суверенного правительства Конго. В 1885 г. Берлинская конференция признала создание независимого государства Конго, монархом которого был поставлен Леопольд II. В 1908 г. Леопольд уступил права на Конго бельгийскому государству, Конго стало бельгийской колонией.

беспрепятственного экспорта британских товаров. Стремясь помешать Франции, Великобритания намеревалась признать суверенитет Португалии над этими землями, что представляло угрозу для планов Леопольда II. В этих обстоятельствах бельгийский монарх добился признания границ Верхнего Конго Францией и Германией. Великобритания, в свою очередь, следила за тем, чтобы владения Международной ассоциации Конго находились вне португальской зоны, однако проход к морю лежал через португальскую территорию. Переговоры с португальцами по поводу транзита обещали быть сложными. Тогда Леопольд решил обезопасить себя, предоставив в 1884 г. Франции предпочтительное право в случае продажи владений ассоциации. Франции это было выгодно, теперь эта территория не могла попасть к Великобритании. Лондон негодовал. Однако предосторожность короля была напрасной — Великобритания не подписала договор с Португалией³³. Договор Леопольда II с Парижем свел на нет его популярность в британских кругах. После 1887 г., побывав на праздновании юбилея британской королевы, Леопольд больше не ездил в Лондон. С 1901 г., когда на британский трон взошел Эдуард VII, контакты с Бельгией носили исключительно правительственный характер. Вплоть до 1913 г. Лондон отказывался признавать Конго бельгийским владением, обвиняя бельгийцев в неоправданных жестокостях по отношению к местному населению. Бельгийская общественность, в свою очередь, крайне негативно восприняла англо-бурскую войну³⁴.

И все же несмотря на эти разногласия, Бельгия видела в Великобритании своего главного защитника и гаранта независимости. Исторически сложившаяся внешнеполитическая зависимость Бельгии от Великобритании имела естественное продолжение и в начале XX в. Марокканский кризис 1905 г. вызвал в Бельгии настоящую панику. Кризис вынудил Великобританию и Францию, годом ранее подписавших соглашение, именованное «сердечным согласием», вступить в секретные переговоры, на которых обсуждался, помимо прочего, вопрос о сохранении бельгийского нейтралитета. В то же время, союзники задавались вопросом, намерена ли Бельгия соблюдать международные обязательства во время возможного конфликта. Бельгийцы сделали соответствующее утвердительное заявление в январе 1906 г.

³³ См.: *Stengers J.* Léopold II et la rivalité franco-anglaise en Afrique, 1882–1884 // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1969. T.2. P.425–479.

³⁴ *Thielemans M.-R., Vandewoude E.* Le Roi Albert au travers de ses lettres inédites 1882–1916. Bruxelles, 1982. P.605.

Ведя переговоры с французами, британские военные практически одновременно инициировали секретные переговоры об оказании помощи Бельгии в случае нарушения ее нейтралитета и совместным действиям по ее обороне. В 1906 г. англичане пообещали высадку экспедиционного корпуса в 100 000 человек на французском побережье, в районе Дюнкерка и Кале, в течение двенадцати дней, если Бельгия будет атакована. Несмотря на то, что переговоры не привели к заключению договора, они имели большое значение, позволив бельгийцам определить свою военную стратегию в будущем конфликте и надеяться на помощь британцев. Недоверие по отношению к Франции проявилось в отсутствии широких переговоров между Бельгией и Францией по военным вопросам. Лишний раз это подтверждает тот факт, что даже в первые дни августа 1914 г. бельгийское руководство не было осведомлено о стратегическом развертывании французской армии.

Вскоре новый кризис не заставил себя ждать. Подавление французами берберских племен в столице Марокко Фесе спровоцировало Германию. Прибытие германской канонерской лодки «Пантера» в Агадир 1 июля 1911 г. открыло второй марокканский кризис. Германия требовала в качестве компенсации за захват Францией Марокко все французское Конго. Между Францией и Германией начались длительные переговоры. Великобритания заявила о том, что в отличие от 1870—1871 гг. не намерена оставаться в стороне в случае германского нападения на Францию. В такой ситуации бельгийские войска были приведены в боевую готовность. Речь шла не о мобилизации, а о подготовительных мерах. К укрепленным позициям были направлены войска и обеспечение. Конфронтация между Берлином и Парижем, помимо основных вопросов, имела отношение к бельгийской колонии Конго. Германия стремилась получить территорию между западной границей Камеруна и рекой Убанги, что позволило бы ей иметь общую границу с Бельгийским Конго и в будущем принять участие в разделе этой колонии. В разгар кризиса бельгийский МИД посетил администратор французских колониальных обществ Фондер, сообщивший о намерении своего правительства уступить Германии правый берег Конго и Убанги протяженностью несколько сотен километров на участке слияния рек Санга и Конго. Фондер был уполномочен премьер-министром Кайо прозондировать бельгийское правительство на предмет передачи в аренду левого берега Конго шириной 5 километров, с тем, чтобы гарантировать проход французских войск между двумя отрезками экваториальной Африки. В качестве компенсации Франция предлагала добиться немедленного признания Великобританией бельгийского Конго, готова была взять на себя обязательство не начинать

строительства железной дороги, ведущей в Браззавиль, способной составить конкуренцию бельгийской дороге из Катарактов. Кроме того, Париж предлагал льготные условия выигрышного займа Конго на парижской бирже. Однако бельгийское правительство не стало рассматривать предложение французов.

Проблема была снята подписанием 4 ноября 1911 г. франко-германского соглашения, по которому Германия признавала преимущественные права Франции в Марокко, получив в обмен режим «открытых дверей» в Марокко на 30 лет и две полосы во Французском Конго, отошедшие к германской колонии Камерун. Париж отказался уступить свое исключительное право на приобретение Бельгийского Конго³⁵, однако, статья XVI говорила о согласии на консультацию с Берлином в случае использования своего исключительного права. Для Бельгии это было неприемлемо. Брюссель выразил свое сожаление по поводу того, что бельгийское правительство не было предупреждено о содержании переговоров, непосредственно касавшемся интересов Бельгии. К тому же бельгийцы предполагали существование дополнительных секретных статей в отношении Бельгийского Конго. Позиция Брюсселя отразилась в официальном заявлении, переданном в Париж и Берлин в декабре 1911 г., где говорилось о том, что условия статьи XVI применимы только в случае полной или частичной продажи Конго, что само по себе невозможно в силу национальных интересов Бельгии³⁶.

Однако отношения Бельгии с Великобританией и Францией в начале XX в. осложнялись не только проблемами в Конго (с Великобританией) и экономическими трениями в Марокко (с Францией). Бельгийцы не просто боялись того, что окажутся втянутыми в многосторонний конфликт. Уже со времени образования Антанты они опасались превентивного вторжения со стороны союзников. Великобритания, считали бельгийцы, в отличие от 1870 г. не собиравшаяся оставаться в стороне от конфликта, могла втянуть в него Бельгию, планируя высадку своих войск в Антверпене без какого-либо призыва о помощи со стороны последней. В апреле 1912 г. британский военный атташе в Брюсселе заявил, что его правительство во время Агадирского кризиса было готово послать экспедиционный корпус

---

³⁵ Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Москва, 2002. С.62.

³⁶ *Bitsch M.-Th.* La Belgique entre la France et l'Allemagne 1905–1914. P., 1994. P.441–442.

в Бельгию³⁷. О возможности вторжения на бельгийскую территорию свидетельствовали также утверждения британской печати. Тогда же Великобритания через своего военного атташе полковника Бриджеса заверила Бельгию в том, что на территории Франции, в Кале, Дюнкерке или же в Булони и Шербуре, будет высажен десант в 160 тыс. человек, причем британский военный намекнул, что высадка может быть превентивной. Эти заверения были сделаны после секретных франко-британских переговоров, прошедших летом 1911 г. с урегулированием Второго Марокканского кризиса. Во время переговоров была предусмотрена одновременная мобилизация французской армии и британского экспедиционного корпуса. Результаты были зафиксированы обменом письмами в ноябре 1912 г.

Бельгийцы не скрывали своего недовольства англичанами. В британских дипломатических документах содержится донесение находившегося в Брюсселе посланника Ф. Вильерса от 12 сентября 1912 г., в котором он приводит слова бельгийского министра обороны генерала В. Мишеля, переданные ему британским атташе военного флота в Бельгии капитаном Келли. «Министр, — сообщается в донесении, — выразил предчувствие того, что в случае войны между Францией и Германией британские силы высадутся в этой стране (Бельгии — А. Х.) без согласия Бельгии и, следовательно, нарушат бельгийский нейтралитет; он заявил, что схема национальной обороны должна предусматривать такой исход»³⁸. В конфиденциальном донесении от 9 октября Вильерс передал министру иностранных дел Великобритании Э. Грею содержание разговора подполковника Бриджеса с министром обороны Бельгии. Генерал Мишель высказал сомнение в том, что Великобритания придет на помощь Бельгии в случае нарушения нейтралитета последней, и заявил, что «бельгийское войско выдвинется максимально быстро против первых, кто к ним вторгнется». Как сообщал британский военный, генерал также добавил в частном порядке, что он не склоняется к обращению за помощью к великим державам, заметив, что обычно проще позвать полицейского в дом, чем выгнать его³⁹. Однако генерал Мишель добавил, что он говорит не от имени кабинета министров, и, тем не менее, возможно, многие разделяют это мнение. В своем донесении подполковник Бриджес уточнил, что, по его дан-

³⁷ *Lademacher H.* Op. cit. P.366–382.

³⁸ *British documents on the origins of the War 1887–1914. 1898–1914./Ed. By G. Gooch and H. Temperley. L., 1926–1938. Vol. 7. N 324. P.398.*

³⁹ *Ibid.* N 326. P.402.

ным, мнение генерала Мишеля расходится с мнением главы штаба армии, а сам генерал непопулярен в армии⁴⁰.

В другом донесении от 22 ноября 1912 г. Вильерс сообщал, что в Бельгии поговаривали о том, что Великобритания без сомнения окажет помощь Бельгии в случае европейской войны, но только имея определенный интерес, а именно, стремясь получить взамен часть бельгийского Конго⁴¹. В 1913 г. британский представитель в Бельгии сообщал о распространившемся слухе, что Великобритания первой нарушит нейтралитет Бельгии⁴². Однако в дипломатических кругах Великобритании говорили о желании поддерживать хорошие отношения и считавшуюся «традиционной» дружбу между двумя странами, как только аннексия Бельгией Конго будет признана Великобританией⁴³. Для бельгийцев было ясно, что намерения Форин Офис и военных кругов отличались. Министерство иностранных дел выступало против демонстрации силы и превентивной отправки войск в Бельгию.

Угроза французского вторжения также беспокоила бельгийское общественное мнение. Несмотря на то, что в донесении, составленном в мае 1907 г. французский военный атташе в Бельгии полковник Сибэн отмечал, что бельгийцы не боятся агрессии со стороны Франции⁴⁴, уверенности у бельгийцев не было. Из Парижа бельгийский посланник сообщал о распространении шовинистических настроений во французском обществе. Опасения бельгийскому руководству внушали настроения многих французских военных, полагавших, что план атаки французской армии в вооруженном конфликте с Германией должен строиться на нарушении границ Бельгии и расположении на ее территории частей действующей армии.

Об устойчивом мнении французов относительно ведения военных действий на территории Бельгии в предстоящем вооруженном конфликте свидетельствует донесение британского военного атташе в Париже генерал-лейтенанта Лоутера. В одной из конфиденциальных депеш от 6 февраля 1909 он сообщает, что в разговоре с французским генералом Шамуаном, командующим 1-й пехотной

---

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. N 328. P.404.

⁴² Ibid. N 330. P.409.

⁴³ Ibid. N 328. P.404.

⁴⁴ Documents diplomatiques français (1871–1914): Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914 (Dalle — DDF). Série II (1901–1911). T.10. N 486. P.787.

дивизией в Лилле, последний заявил, что «существует неизменное мнение о том, что в следующей войне большие сражения неизбежно будут проходить в Бельгии. <...> Оборона и Франции, и Германии вдоль их совместной границы настолько сильна, что никакие крупные силы не могут пересечь их без потерь, <...> и поэтому одна или другая держава будет обязана перейти на территорию своих скромных соседей»⁴⁵.

Такой точки зрения придерживался назначенный в 1911 г. главой штаба армии генерал Ж. Жоффра. В 1912 г. он пытался добиться согласия руководства страны на вступление в Бельгию. Однако в решении этого вопроса возобладала позиция Р. Пуанкаре, занимавшего пост председателя Совета министров и министра иностранных дел, и окончательный военный план генерала Жоффра (известный как план № XVII) предполагал отказ от превентивного вторжения в Бельгию и нарушения ее нейтралитета⁴⁶. В противном случае Франции не удалось бы добиться поддержки Великобритании. Иными словами, нарушая нейтралитет Бельгии, Франция рисковала вызвать недовольство Великобритании⁴⁷. Исследователь К. Бронн утверждает, что на отказ Жоффра от превентивного вторжения в Бельгию повлияли слова английского военного Уилсона, заявившего от имени генерального штаба Великобритании, что в случае нарушения французами границ Бельгии последняя без сомнений примет сторону Германии, и в этом случае Великобритания окажется в затруднительном положении⁴⁸.

Исследователь Ж. Стенгерс полагал, что во Франции бельгийский нейтралитет никогда не был предметом благоговения, способным вдохновить французских политических деятелей на слова, схожие с теми, что высказывались в 1870 г. Договоры 1830-х гг. были для французов лишь одними из многих⁴⁹. Французы не были уверены до конца в благожелательном настрое бельгийцев к себе. В донесении французского военного атташе в Бельгии от 25 января 1912 г. капитана Л. Дюрюя содержится следующее суждение по поводу на-

⁴⁵ British documents on the origins of the War, 1887–1914. Vol.8. N 312. P.379.

⁴⁶ *Pedroncini G.* Influence de la neutralité belge et luxembourgeoise sur la stratégie française: le plan XVII // Les relations franco-luxembourgeoises de Louis XIV à R.Schouman. Metz, 1978. P.193.

⁴⁷ *Bitsch M.-Th.* Op. cit. P.462.

⁴⁸ *Bronne C.* Albert Ier, le Roi sans terre. Bruxelles, 1983. P.87.

⁴⁹ *Stengers J.* Op. cit. P.78.

строений бельгийцев в начале будущего конфликта: «...Если бы партии, находящейся сегодня у власти в Бельгии, пришлось „выбирать“ союзничество между Францией и Германией, встанет ли она на нашу сторону? Это вовсе не определено и даже маловероятно»⁵⁰. Отчеты французского атташе отражают настроения Парижа в отношении бельгийской внешней политики и в большей степени построены на собственных суждениях, чем на фактах. По устоявшемуся мнению французов, католическое правительство Брюсселя просто не могло быть благожелательно настроено по отношению к антиклерикальному республиканскому кабинету Парижа и, напротив, испытывало большое влияние монархического и религиозного Берлина. По мнению капитана, бельгийская армия была не на высоте, а ее командование и, в частности, глава генерального штаба слыли германофилами. Однако военные реформы 1910 и 1913 гг.⁵¹ в Бельгии несколько изменили оценку военного атташе, заметившего, что общественное мнение видит опасность со стороны восточного соседа⁵².

Англичане были более уверены в том, что Бельгия станет обороняться и не примет сторону немцев в случае нарушения ее границ. В одном из донесений британского посланника в Бельгии Чилтона от 25 февраля 1909 г. настроения офицеров бельгийского штаба армии в отношении нарушения нейтралитета Бельгии в предстоящем вооруженном конфликте характеризуются следующим образом: «Похоже, широко распространено предположение о том, что Франция будет первой, кто нарушит границу, или, скорее всего, бельгийское правительство постарается доказать, что французские войска были первыми, кто нарушил нейтралитет Бельгии...»⁵³. При этом посланник добавлял, что в случае войны между двумя соперницами — Францией и Германией — ни одна из них, по мнению бельгийцев, не будет сомневаться ни минуты в вопросе нарушения нейтралитета их страны. В то же время Чилтон указывал на желание бельгийцев защищать свою родину: «Хотя бельгийцы не являются чрезвычайно патриотичной нацией, они хотят оставаться нацией и намереваются храбро обороняться, насколько это возможно, от армии любого завоевателя, не столько потому что они надеются, что выйдут побе-

⁵⁰ DDF. Série III. T.1. P., 1935. N 522. P.542.

⁵¹ Создание Генерального штаба (1910 г.) и введение всеобщей воинской повинности (1913 г.).

⁵² *Bronne C.* Op. cit. P.81–83.

⁵³ *British documents...* Vol.8. N 313. P.380.

дителями, сколько потому что верят, что их мужество должно быть признано державами по окончании войны и что, защищаясь самостоятельно, похоже, им удастся избежать „раздела“ или потери их национальных прав»⁵⁴.

В британских дипломатических документах также содержатся выдержки из протокола заседания комитета обороны Великобритании в августе 1911 г., на котором помимо высших военных чинов и министра обороны Р. Холдена присутствовали министр военно-морского флота У. Черчилль, министр финансов Д. Ллойд Джордж, министр иностранных дел Э. Грей. На вопрос Черчилля о предполагаемых действиях бельгийцев в случае немецкого наступления, генерал Уилсон ответил: «...они, конечно, будут драться, если немцы начнут захват северной Бельгии», и добавил: «бельгийская армия, хотя и небольшая, обязательно должна приниматься в расчет, и ее стратегическое положение на немецком фланге было бы устойчивым»⁵⁵. С этим согласился Ллойд Джордж, высказавший предположение, что нахождение на границе бельгийской армии заставит немцев принять меры, даже если бельгийцы и не будут атаковать. Грей уточнил, что чем больше будет резервная армия бельгийцев, тем больше будут колебаться немцы в принятии конечных решений⁵⁶.

Вторая балканская война, разразившаяся в июне-августе 1913 г., не привела к открытому столкновению великих держав. Это дало бельгийцам основание полагать, что международная обстановка проясняется. Посланники в Лондоне и Париже сообщали о сближении, наметившемся в отношениях с Берлином. Весной 1914 г. граф де Лален передавал, что Великобритания не расположена к высадке на побережье в случае военного конфликта, и это позволило Брюсселю сделать вывод о том, что Антанта потеряла то значение, которое она имела в 1905 г. и 1911 г.⁵⁷. Однако подобные иллюзии, как и обманчивое спокойствие начала лета 1914 г., вскоре рассеются. Германия в августе 1914 г. нарушит нейтралитет Бельгии, а Великобритания и Франция встанут на его защиту.

Таким образом, отношения Бельгии в XIX в. — начале XX в. с основными «гарантами независимости» — Великобританией и Францией — не были безупречными. На протяжении XIX в. противоречия

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. N 314. P.381.

⁵⁶ Ibid. P.382.

⁵⁷ *Bitsch M.-Th.* Op. cit. P.500–501.

между этими государствами сказывались и на отношениях с Бельгией. Постоянная угроза со стороны Франции заставляла бельгийских монархов и дипломатов искать поддержки у Великобритании. Однако в определенных вопросах, например, колониальных, бельгийцы предпочитали ориентироваться на Францию. И если в XIX в. интересы обеих великих держав в отношении Бельгии скорее сталкивались, то к началу XX в. это небольшое государство, находящееся на перекрестке стратегически важных путей, оказалось в орбите совместных франко-британских интересов. Бельгия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты.